

10. Легкий Д.М. Адвокат на судебных политических процессах в Российской Империи: от суда присяжных (процесс «нечаевцев») до суда ОППС (процесс «193-х») // Проблемы права. — 2007. — № 1. — С. 160–167.
11. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели: В 2 т. Т. 2. — Берлин, 1921. — 248 с.
12. Никитин Н.В. Преступный мир и его защитники. Рассказы о самых громких уголовных процессах. — М., 1996. — 384 с.
13. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / Сост. И.В.Потапчук. — Тула, 1997. — 815 с.
14. Панова Н.Ю. Терроризм и террор в России XIX – начала XX века: понятие и сущность // История государства и права. — 2001. — № 1. — С. 4–8.
15. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. — М., 2000. — 326 с.

УДК 323 (075.8)

Т.М.Мухамадеев

Кокшетауский университет им. А.Мырзахметова

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVI–XIX ВЕКАХ

Ресейдің нақты аумақтарды белсенді түрде игерудің себептерінің бірі экономикалық қызығушылықтар ғана емес, сонымен қатар уақыт талабына сай геосаяси және әскери стратегиялық міндеттер болып табылады. Қазақстан аумағын пайдалану мақсаты — Ресейдің басқа мемлекеттермен қарама-қайшылығын қарастыру.

One of the reasons of Russian active adoption of bordering territories is that of the present geopolitical, military and strategic tasks of the prior significance but not the economic interest. Kazakhstan fulfilled the task of the buffer in the resistance of the Russia with other states.

«Начало завоевания русскими северной Азии относится к XVI столетию» [1; 23], так как по мере централизации и усиления государственной власти в России значительно возросли возможности территориальной экспансии, развития торгового обмена и других форм взаимоотношений.

В XVI в., с окончанием процесса собирания Русских земель, начинается новая эпоха государственного строительства России. Укрепив свое международное положение, исходя из геополитических и экономических соображений, Россия переходит к решительным, большей частью военным действиям по присоединению обширных и стратегически важных для страны территорий. Активные действия царских властей по расширению границ государства потребовали разработки продуманной военной стратегии по освоению и удержанию вновь приобретенных земель, и среди причин российского активного освоения сопредельных территорий приоритетное место занимали не столько экономические интересы, сколько геополитические и военно-стратегические задачи, выдвигаемые временем.

В первой половине XVI в. Московское государство не имело общей границы с Казахским ханством, а было отделено от него Ногайской ордой, а также Казанским и Астраханским ханствами. Но уже в период правления Касым-хана (1511–1521) были установлены дипломатические отношения Казахского ханства с Московским государством, при правлении Великого князя Василия III (1505–1533). На это определенно указывает опись царского архива: «Ящик 38. А в нем книги и списки Казатцкие при Касыме царе, и Тюменские при Иване царе» [2; 335]. Москва проявляла живой интерес к событиям в Казахском ханстве и после Касыма, что объясняется возможностью казахов влиять на положение дел в Ногайской орде, а также Казанском и Астраханском ханствах, о чем свидетельствует наказ Посольского приказа русскому посланнику в Турции Василию Михайловичу Третьяку-Губину в 1521 г. Там прямо предписывалось, наряду с прочими заданиями: «Да Казатцкую Орду ему пытати, кто ныне в казакех государь, и где кочует... И о всех ему, о тамошних делех пытати и отписати к великому князю подлинно» [3; 63].

Однако в 1552 г. под напором русских пало Казанское ханство, а в 1556 г. — Астраханское, во второй половине XVI – начале XVII в. к России были присоединены башкиры, Ногайская орда распалась и ближайшим соседом России на юго-востоке стало Казахское ханство. «Уже в конце XVI столетия киргизы оказались в непосредственном соседстве с русскими и в то же время окруженными кольцом враждебных им кочевых народов: с запада и северо-запада — башкирами, калмыками и ногайцами, с востока — джунгарами, с юга — тюркскими народами Хивы, Бухары, Коканда и др.» [4; 13].

Серьезную угрозу безопасности Казахского ханства в это время представлял Бухарский хан шайбанид Абдалла, который был в сговоре с Сибирским ханом Кучумом. Таким образом, политическая обстановка в Средней Азии вынуждала Казахское ханство искать сильного и верного союзника, и оно все больше убеждалось, что таким союзником может стать Россия.

В свою очередь и Россия искала союзника для борьбы с Кучумом, отношения с которым особенно обострились в 70-х годах XVI в., и таким союзником России в то время могло стать Казахское ханство. Не случайно в 1573 г. при направлении к Хакназару, по настоятельной просьбе братьев Строгановых русского посольства во главе с Третьяком Чубуковым, Иван Грозный поставил перед послами цель не только установить непосредственный контакт с Казахским ханством, но и заключить с ним военный союз против Сибирского хана Кучума. Но это посольство окончилось неудачей. Чубуков был взят в плен и убит Маметкулом — сторонником сибирского хана Кучума [5; 186–187].

В 1594–1595 гг. казахский хан Таукель в переговорах с Московским правительством также стремился установить военный союз с Россией для борьбы с противниками. В марте 1595 г. казахскому послу Кул-Мухаммаду была вручена ответная царская грамота царя Федора Ивановича, в которой московский царь сообщал: «А вы, будучи под нашею царскою рукою и по нашему царскому повелению, будете воевати бухарского царя и изменника нашего Кучюма царя сибирского, изымав, к нашему царьского величества порогу пришлете» [3; 202].

Одним словом, Таукель должен был сам смирить Абдаллаха и Кучума. Также по материалам русско-казахских переговоров в Москве видно, что новые отношения с Москвой Таукель представлял себе не в форме утраты Казахским ханством политической независимости, а лишь как военный союз для борьбы с Абдаллахом. Это послание, как и другие документы взаимного обмена посольствами в 1594–1595 гг., иллюстрирует планомерные действия Москвы по утверждению своей власти в степном пространстве Центральной Азии. Но неожиданно возникшая русская Смута начала XVII в. и ряд других причин создали дополнительные трудности в осуществлении этих дальних планов.

Изучение совокупности официальных документов по истории «восточной идеи» убеждает в том, что вначале территория Казахстана и русско-казахские отношения не играли сколько-нибудь видной роли в геополитической метастратегии России и рассматривались большей частью как одна из многих приграничных проблем, не связанных с большой политикой. Петр I, подобно прочим влиятельным монархам Европы, был охвачен специфическим «индийским синдромом» и, глубоко уверовав в неограниченные возможности мореплавания и инженерного дела, предполагал «с помощью каналов и поворотов рек добиться того, чтобы однажды, сев на судно в Петербурге, сойти с него на берегах Инда». Эта настойчивая экуменистическая мечта царя в сочетании с низким уровнем географических знаний того времени делала для него наиболее актуальной задачу освоения водных путей на восток, которые, как предполагалось, транзитом приведут через хивинские и ойратские владения в легендарную империю Великих Моголов и в Восточный Туркестан, к золотым россыпям желанной «Еркети» [6; 77–78].

Результаты военно-разведывательных экспедиций на восточное побережье Каспия и Хиву (капитана-поручика гвардии, князя Александра Бековича-Черкасского), по Иртышу (полковника Ивана Дмитриевича Бухгольца), в Индию и Бухарское ханство с юга через Персию (морские экспедиции поручика Александра Кожина и князя Василия Урусова на Каспийское море (1718), а еще раньше, в 1715 г., посольство Артемия Петровича Волынского в Персию) и других развеяли многие географические заблуждения этого времени и одновременно показали сложность военного продвижения в Центральную Азию. Знание конъюнктуры международных торговых связей побудило Петра I отрешиться от планов освоения водных путей на Восток и переместить акценты на задачу овладения сухопутными путями с Китаем, Индией и среднеазиатскими странами [6; 71–79].

По определению И.В.Ерофеевой [6; 78], становление казахстанского направления восточной политики Петра I совпало по времени с переосмыслением в русском обществе исторической роли России на международной арене и оформлением имперской доктрины. Уже в 1722 г. Петр I, по словам его современника генерал-майора А.И.Тевкелева, говорил так: «Хотя-де оная киргиз-кайсацкая (орда) степной и лехкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда ключ и врата; и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцьею быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комоникаею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять» [7; 31].

Ускорение динамики развития русско-казахских отношений и углубление их содержания определялись далеко не только стратегическими интересами и целями внешней политики России, но и динамикой развития всей системы международных отношений на периферийной части континента, прозрачностью и непрерывностью ее географических границ, военно-политическим могуществом Россий-

ской державы, как одного из факторов ее международного престижа и международного влияния в евразийском мире [6; 79–80].

В течение трех столетий (XVI–XIX вв.) взаимоотношения России и Казахстана претерпели серьезную эволюцию — от обычных соседских отношений и поисков военно-политического союза до присоединения и колонизации Казахских земель к Российской Империи. И для истории завоевания Казахстана очень важным остается вопрос о тактике и стратегии русских войск, включая вооружение, ибо он связан с необходимостью более четкого объяснения главных причин успешной военной стратегии России в Казахстане. Не секрет, что в массовом сознании прочно укоренилось мнение о решающем техническом превосходстве русских войск, благодаря монополии на огнестрельное оружие. Но Россия военного успеха добилась также при помощи более гибкой тактики и правильной стратегии. Именно в этих компонентах русские войска превосходили своих соперников. И прежде всего в глаза бросается успешная стратегия военно-инженерного наступления. Она использовалась славянами с древнейших времен против печенегов и половцев. Московские цари также прибегали к ней для отпора крымским татарам, устраивая знаменитые засечные черты на южных рубежах государства. С их помощью к России была присоединена Дикая степь, а татары были заперты в Крыму. Известно, что Иван Грозный покорил Казань лишь после сооружения Свияжской крепости на Волге. Окончательный разгром Кучума стал возможен только после устройства Тюмени, Тобольска и Тары [8].

Мировая практика подтверждает правильный выбор стратегии русским правительством. Метод военно-инженерного наступления в Америке использовали все нации — французы, англичане, испанцы. Американцы вели успешное наступление на индейцев племени сиу в XIX в., также опираясь на свои укрепленные форты. Правда, индейцы Северной и Южной Америки частенько умудрялись брать приступом крепости европейцев, а казахи этой осадной хитростью не владели и этим успешно пользовались русские войска.

В русских крепостях вокруг и на территории Казахстана концентрировались войска, хранилось оружие и боеприпасы, здесь спасалось пришлое население. Оценив неуязвимость высоких острожных стен, русское правительство не боялось строить новые крепости в глубине казахских территорий, откуда шло постепенное распространение русского влияния на местное население. Города и остроги не только фиксировали окончательное присоединение новых земель, но и обозначали направление главного удара.

Поэтому задачи колонизации степного края, освоения несметных его богатств, установление и дальнейшее обеспечение безопасности караванной торговли, а также закрепление за Россией новых районов настоятельно требовали строительства новых и новых укреплений и опорных точек постоянного соприкосновения с кочевой средой. Главное назначение этих военно-инженерных сооружений заключалось в расширении юго-восточных границ, а значит, и зоны внешнего влияния российской державы.

Почти вся территория Казахстана с запада на восток охватывалась непрерывной цепью военных линий с крепостями, фортами, форпостами, кордонами и пикетами. Так, Уральская линия тянулась от Гурьева до Илецкой защиты и состояла в начале XIX в. из 19 форпостов и 5 крепостей [9; 13–16].

Сильным оборонительным рубежом являлась Оренбургская пограничная линия, создание которой началось еще в 30-х годах XVIII в., состоявшая из Верхнеяицкой и Уйской линий. Верхнеяицкая линия тянулась от Оренбурга на восток, включая в себя 9 крепостей и 16 редутов, и делилась на две дистанции: Красногорскую и Орскую. Красногорская дистанция состояла из 4 крепостей и 6 редутов, Орская — из 5 крепостей и 10 редутов. Уйская линия тянулась от крепости Верхнеяицкой до крепости Звериноголовской на Тоболе и состояла из 8 крепостей и 9 редутов, делилась на Верхнеуйскую и Нижнеуйскую дистанции. Верхнеуйская дистанция состояла из 3 крепостей и 5 редутов, Нижнеуйская — из 5 крепостей и 4 редутов [10; 277].

В 1810–1822 гг. создается Ново-Илецкая военная линия. Она состояла из шести форпостов (Изобильный, Буранный, Новоилецкий, Линецкий, Угольный и Ветлянский), редута Ханского и крепости Бердянской. В 1835–1837 гг. создается Новая линия, как часть Оренбургской военной линии. Она начиналась от Орской крепости и шла на северо-восток до редута Березовский, при впадении реки Уй в Тогузак. Протяженность ее составляла 478 верст. Все эти военные линии входили в состав Оренбургской военно-пограничной линии (от Гурьева до Алабугского отряда на границе с Западной Сибирью) протяженностью 1780 верст.

В военном отношении Оренбургская военная линия не имела большого значения, так как считалось, что слабые соседи, в том числе и казахи, «незнакомые с военным делом и чуждые всякого устройства», не способны на какие-либо серьезные военные предприятия против России. Поэтому здесь тре-

бывались не мощные крепости, а бдительное несение кордонной службы, которая возлагалась на Уральское и Оренбургское казачьи войска [11; 2–3]. При Оренбургском военном губернаторе В.А.Обручеве началось строительство укреплений внутри степи, в самом центре казахских кочевий, что позволяло держать под контролем отдаленные территории, выдвинуть линии к границам среднеазиатских ханств. Укрепление Оренбургское (г. Тургай) было заложено 7 сентября 1845 г. на правом берегу реки Тургай, в 120 верстах от Орска, близ урочища Бес-копа. В том же году в 120 верстах от Оренбурга и в 406 верстах от Орска в урочище Жармола, на высоком правом берегу Иргиза было выстроено Уральское укрепление [12].

В 1847 г. у побережья Аральского моря, в урочище Раим, вблизи устья Сырдарьи было основано Раимское укрепление. В 1848 г. были основаны форты Карабутак на Иргизе и Кос-Арал на берегу Аральского моря. Таким образом, Оренбург цепью фортов и укреплений был соединен с Аральским морем. В 1853 г. на Сырдарье были заложены форт № 1 Казалы и форт № 2 Кармакчи [1; 137]. Россия вышла на подступы к Средней Азии, к границам Хивинского и Кокандского ханств. Новые форпосты позволили русским гарнизонам постепенно продвинуться вверх по Сырдарье и приблизиться к крупному кокандскому укреплению Ак-Мечеть. После 20-дневной осады 28 июня 1853 г. Ак-Мечеть была занята русскими войсками, и в низовьях Сырдарьи образовалась Сырдарьинская линия, куда вошли районы от Раима до Ак-Мечети [13; 92–119]. Еще раньше, в 1833 г., на берегу Каспийского моря у залива Мертвый култук было основано Ново-Петровское укрепление. Однако ввиду неудачного места расположения, плохой воды и климатических условий укрепление было перенесено к заливу Тюп-Караган, переименовано в Ново-Александровское и торжественно открыто 30 августа 1847 г. [14; 133–166].

Укреплялась военная линия и на территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Ее протяженность составляла от крепости Звериноголовской на Тоболе до Алтая почти 2 тыс. верст. Она состояла из четырех военных линий: Ново-Ишимской (Пресногорьковской или просто Горькой линии), Иртышской, Бухтарминской, Бийской. Горькая линия была создана в середине XVIII в., включала в себя 11 крепостей с 16 редутами и входила в состав инженерного управления Сибирского корпуса. Главным укреплением считалась 6-угольная Петропавловская крепость. На востоке от нее располагались четыре крепости: Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская, между ними 9 редутов; на западе — шесть крепостей: Скопинская, Становская, Пресновская, Кабанья, Пресногорьковская и Звериноголовская [15; 408–409]. Иртышская военная линия создавалась с начала XVIII в. и состояла из Ямышевской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской, Железинской и Омской крепостей. Гарнизоны располагались также в форпостах Коряковский, Семиарский, Убинский, Черлаковский и др. Всего на Сибирских пограничных линиях стояли 18 крепостей, 31 редут, 13 форпостов, 23 станции, 35 маяков [16; 23–33].

В 20-х годах XIX в. начинается выдвижение военных линий и укреплений в глубь территории Казахстана, для прикрытия внешних округов. Так, в июле 1822 г. основываются первые укрепления — Актауское, в 300 верстах южнее Акмолинского, в горах Актау, на реке Сарысу и Жаркаинское — на реке Ишим. В апреле 1824 г. был открыт Каркаралинский приказ, 29 апреля 1824 г. заложен Кокчетавский приказ. Затем открываются Баян-Аульский (1826 г.), Акмолинский и Кокпектинский (1827 г.), Атбасарский (1846 г.), Аягузский, Кушмурунский приказы, укрепления Улутау (1846 г.), Капальское (1847 г.) [8; 438].

Таким образом, в середине XIX в. вся территория Казахстана была окружена различными укрепленными линиями: Ново-Узенской, Илецкой, Уйской, Новой, Ново-Ишимской (так называемой Горькой), Иртышской, Эмбинской, Акмолинск-Кокчетавской и Сырдарьинской военными и пограничными линиями. В них располагались постоянные и сменяемые гарнизоны из пехотных батальонов и рот, драгунских полков, подвижных казачьих отрядов с сильным артиллерийским вооружением и конно-артиллерийскими батареями.

Длившееся свыше ста лет наступление России в казахские степи привело к тому, что почти вся территория края, за исключением южных регионов, была включена в состав империи. Все это служило надежным плацдармом для дальнейшего наступления и завоевания новых территорий. Таким образом, Россия вышла на подступы к Средней Азии, к границам Хивинского и Кокандского ханств.

Политическая обстановка на юге Казахстана отличалась от ситуации в остальных его частях. Южный Казахстан стал в начале XIX в. объектом экспансии среднеазиатских государств — Хивы, Бухары и в наибольшей степени Коканда. Интерес к Южному Казахстану проявляли не только правители Коканда и соперничавшие с ними владетели Бухары и Хивы. Продвижение царизма в глубь казахских земель встретило в 30-е годы XIX в., наряду с сопротивлением среднеазиатских ханств, скрытое противодействие Великобритании. К этому времени Англия основательно укрепила свои позиции в Индии — самой крупной и богатой колонии Британской империи — и активно стремилась к расширению сферы своего влияния в соседних азиатских странах. Немаловажное значение в стратегических планах британского правительства придавалось территориям Центральной Азии, рассматривавшимся как потенциально вы-

годные рынки сбыта для английских промышленных товаров и удобный плацдарм для развертывания дальнейшей военно-политической экспансии в Центральной и Юго-Восточной Азии.

Стремление царского правительства сохранить ранее приобретенные позиции на Среднем Востоке и воспрепятствовать попыткам Англии расширить здесь зону ее экономического и политического господства в ущерб России побудило Петербург активизировать свою внешнеполитическую деятельность в Южном Казахстане и Центральной Азии. Экспансионистские цели России по завоеванию Южного Казахстана осуществлялись в основном двумя путями: во-первых, организацией ряда военных, военно-разведывательных и карательных экспедиций в казахские степи; во-вторых, сооружением идущей через степь «линии укреплений, занимавших стратегически выгодное положение» [1; 126].

Началось создание Сырдарьинской военной линии. Эта задача преследовала большую цель: укрепить военные силы в низовьях Сырдарьи, непосредственно по границам Кокандского и Хивинского ханств, а также изучить этот регион с точки зрения стратегии и экономики, освоить Аральское море и Устюрт. Опираясь на Сырдарьинскую военную линию, созданную в 1853–1864 гг., и новую Сибирскую линию, образованную в 1847–1854 гг., Россия развернула военные действия в Южном Казахстане.

Взятием Туркестана и Чимкента были сомкнуты Оренбургская и Сибирская линии. Этим событием, по существу, завершился длительный и сложный процесс вхождения Казахстана в состав Российской империи, продолжавшийся более 130 лет. Завершение завоевания Казахстана внесло существенные перемены в политику Российской Империи в отношении Казахского края. Цель царизма была достигнута без применения большой силы со стороны колониальной империи. Военно-колониальными акциями, присоединив Жетысу и Южный Казахстан, царизм вышел на среднеазиатский плацдарм, вытеснив английское влияние в регионе. Укрепились позиции России в Центральной Азии и в сопредельных районах.

Несмотря на то, что территория Казахстана потеряла свое прежнее значение стратегического плацдарма для завоевания Средней Азии, царское правительство и военное командование принимали необходимые меры по совершенствованию организации и структуры военных группировок, их дислокации. На закрепление новых колониальных порядков в степи здесь, в отличие от других мест Российской Империи, была установлена подчиненная непосредственно Военному министерству военно-административная система управления. В 1864 г. были упразднены Отдельные Оренбургский и Сибирский корпуса, сыгравшие громадную роль в завоевании нового края. Они были переименованы в «Войска Оренбургского края» и «Войска Западной Сибири». Ядро вооруженных сил этих формирований составили регулярные войска, прежде всего пехотные линейные батальоны, расквартированные в областных и уездных городах, укреплениях, крепостная и полевая артиллерия, инженерные части, иррегулярные войска — казачьи соединения [17].

В тех удаленных местностях и населенных пунктах, где не было ни регулярных, полевых войск, ни казачьих гарнизонов, дислоцировались местные войска, состоявшие из резервных частей, войск внутренней службы: губернские батальоны, уездные, местные, этапные и конвойные команды. Они заменили Корпус внутренней стражи, упраздненный в 1864 г. Команда подчинялась уральскому военному губернатору, ее части размещались в Калмыковском и Гурьевском укреплениях. Позже команда перешла в подчинение начальника штаба войск Уральской области на правах командира полка. В 1871 г. Военный Совет империи утвердил решение о создании местных команд в укреплениях Иргиз, Тургай, форте Карабутах и Эмбенском посту с подчинением военным губернаторам Уральской и Тургайской областей. В 1865 г. учреждается петропавловская местная команда с подчинением командиру войск Области сибирских киргизов. В 1880 г. были учреждены местные команды в Акмолинске, Атбасаре и Кокчетаве Акмолинской области; в Каркаралинске, Кокпектах и Зайсане Семипалатинской области со штатами: в Акмолинске — 166, Атбасаре — 124, Кокчетаве — 108, Каркаралинске — 106, Зайсане — 182 человека. Позже кокпектинская местная команда была переведена во вновь организованный на китайской границе Катон-Карагайский пост [18; 386, 355, 410, 413].

По административным реформам 1867–1868 гг. территория Казахстана вошла в состав трех генерал-губернаторств: Туркестанского, Оренбургского и Западно-Сибирского. Их возглавляли генерал-губернаторы, по военно-народному управлению подчинявшиеся военному министру России. Они сосредоточивали в своих руках всю полноту гражданской и военной власти, являясь также командующими всеми войсками на своей территории.

Во главе областей находились военные губернаторы, также объединявшие в своих руках военное и военно-народное управление. В Уральской и Семиреченской областях военные губернаторы одновременно являлись наказными атаманами соответствующих казачьих войск. В Акмолинской и Семипалатинской областях военные губернаторы обладали правами и обязанностями наказных атаманов в отношении

тех полков Сибирского казачьего войска, которые были расквартированы на их территории. В частности, в Акмолинской области это земли 1, 2, 3, 4, 5 и частично 6-го полковых округов, в Семипалатинской — территории 6, 7 и 8-го полковых округов Сибирского казачьего войска. В командовании казачьими соединениями военные губернаторы областей руководствовались специальными Положениями об этих войсках. Области состояли из уездов во главе с воинскими начальниками в чине майора. Они соединяли военное, военно-народное и полицейское управление, являясь также командирами местных войск, воинских учреждений и укреплений [19; 91–95].

Основным преобразованием в области реорганизации военного управления в России стало введение военно-окружной системы. В соответствии с «Положением о военных округах» (август 1864 г.) были образованы Оренбургский и Западно-Сибирский военные округа. Командующему войсками области подчинялись все воинские части, военные учреждения и местные команды. Округ представлял собой как бы «своеобразное военное министерство» в масштабах края и области [20; 91–95].

Политика России по отношению к казахам менялась несколько раз. На начальных этапах русское правительство, кроме присяги на верность, небольших даров, присылки аманатов (заложников), не требовало от казахских владетелей других знаков признания их верности. На первых порах оно рассчитывало использовать военный потенциал новых подданных, например, для подавления восстаний других своих азиатских вассалов, в частности, башкиров и волжских калмыков. Весьма характерны в этом отношении высказывания А.Тевкелева, главы русского посольства в Казахские степи, и И.Кириллова, первого начальника «Оренбургской экспедиции». В апреле 1733 г. А.И.Тевкелев доносил в Коллегию иностранных дел: «А оные киргиз-кайсаки, також калмыки и башкирцы, признаются одного состояния — народ дикой и лехкомысленной, ежели паче чаяния (чего сохрани боже) из них которой один учинится российской стороне противным, то можно другие два народа против одного противника послать и можно надеется, что без затруднения к тому российского войска одного противника ими самими усмирить можно» [7; 99–100].

А теперь приведем выдержку из проекта И.К.Кириллова об устройстве управления казахами, представленного им императрице Анне Иоанновне в мае 1734 г.: «Понеже калмыки давно подданные ее и. в., так же и башкирцы, а к тому ныне прибыли третий народ киргиз-кайсакский, а один с другим весьма несогласные, да и впредь всегда их в том содержать надобно, и ежели калмыки какую противность покажут, что мочно на них киргизцев обратить, как и было в прошлом году, когда калмыки против своего хана взбунтовали, то показывая службу, Абулхайр-хан посылал войски на улусы Доржи Назарова, который первый есть из калмыцких владельцев, и кочует по Яику и Ембе рекам, и их там разорил, что они принуждены противные свои меры отложить, и впредь на киргиз-кайсаков злобу иметь, а напротив того буде киргиз-кайсаки что сделают, то на них калмык и башкирцов послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения российских войск» [19; 23].

Укрепление позиций России в Казахстане, строительство сети укреплений были связаны и с русско-джунгарскими отношениями. В связи с возрастающей опасностью дальнейшего усиления Джунгарского ханства появилось намерение в случае войны противопоставить Джунгарии казахские жузы как подвластные России владения. «Сия Киргис-кайсакская орда, — говорится в одном из документов, — ея и. в. в подданстве потребна быть имеет особливо для хантайши, так как в случае войны России и Джунгарии немногие кайсаки в домах своих за оною посылкою останутся, понеже они, кайсаки, с ним, хонтайшею, великую жалузию между собою имеют» [7; 99–100]. Об этом в свое время писал и А.И.Левшин: «Русские власти думали, что добровольно покоряющиеся орды можно будет употреблять к ослаблению зюнгаров, которых владелец Галдан-Цэрен, возбудивший опасения в самом Петре Великом, тогда был еще жив» [21; 96].

Официальная позиция Петербурга по отношению к Джунгарскому ханству определялась также его важной стратегической ролью фактического противовеса быстро возраставшим военному могуществу и экспансионистским притязаниям империи Цинов. «Контайша в суседстве... зело нужен и от китайцев не токмо оборона, но и по случаю и против их полезнейший союзник», — писал в письме императору Петру II чрезвычайный посланник в Китае С.Л.Владиславич-Рагузинский в письме от 22 апреля 1728 г. [22]. По всей видимости, это обстоятельство было решающим при рассмотрении русским правительством предложений казахских ханов Тауке, а затем Каипа о заключении русско-казахского антиджунгарского военного союза: царское правительство не желало значительного ослабления Джунгарии, предпочитая все спорные вопросы решать мирным путем и при этом не оставляло надежд на принятие ойратами российского подданства [23; 82–83].

В инструкции Сената начальнику Оренбургской экспедиции И.К.Кирилову от 18 мая 1734 г. подчеркивалось: «Частого известия домогаться о зюнгорах, о их внутреннем состоянии и о войне с

киргизцами — кто в выигрыше и в потери, нет ли затейных претензий к Сибири... Искать способ, чтоб и зенгорские претензии и нападения на сибирские места упредить и подданных от податей зюнгорцам освободить домогаться. Однако при войне с китайцами ему не мешать, чтоб китайцы принуждены были от российской стороны помосчи требовать и за то какую-либо уступку или другое интересам полезное учинить» [24]. Действительно, в ходе начатой в 1729 г. третьей по счету ойрато-цинской войны воюющие стороны неоднократно обращались к русскому правительству с предложениями о союзе, но Россия придерживалась политики нейтралитета, объективно более выгодной правителям Джунгарии, так как избавила от опасности борьбы на два фронта [25; 247].

Признание частью казахских владетелей Младшего и Среднего жузов российского подданства оказало определенное воздействие на политику русского правительства по отношению к джунгарам. Правящие круги России стали занимать более жесткую позицию в переговорах по территориальным и другим вопросам. В 1742–1745 гг. Галдан-Цэрен развил активную дипломатическую деятельность в борьбе с Кокандским ханством по созданию джунгаро-казахской коалиции и стремился добиться от правителей Младшего и Среднего жузов политической и военной поддержки. В то же время Россия стремилась предотвратить их сближение и возможность возникновения близ границ России в Сибири могущественного кочевого государства.

В 1744–1745 гг. произошло резкое ухудшение русско-джунгарских отношений. Вызвано это было тем, что местные русские власти из разных источников стали получать сообщения о концентрации близ Сибири и Казахстана крупных контингентов ойратских войск. Сенат, получив эти сведения, отдал указ Военной коллегии и Коллегии иностранных дел, а также властям Оренбурга и Сибири принять меры к обороне. Военные приготовления России вызвали панику в Джунгарии. Благодаря энергичным военно-дипломатическим мерам русского правительства открытого военного столкновения не произошло, также не произошло сближения Младшего и Среднего жузов с Джунгарией [23; 157–161].

Все это является подтверждением того, что военная стратегия России в Центральной Азии была направлена на создание такого военно-политического баланса, такую расстановку сил, при которой наилучшим образом обеспечивалась бы безопасность юго-восточных границ империи. Джунгария нужна была России как противовес Китаю, но в то же время Россия не допускала усиления ойратского государства, как за счет завоевания Казахского ханства, так и их мирного объединения. Поэтому Россия свою стратегию строила на недопущении создания казахско-джунгарского военно-политического союза, а в случае обострения военных отношений с Джунгарией — использовании военной силы казахов против джунгар.

Таким образом, длившееся свыше ста лет наступление России в казахские степи привело к тому, что почти вся территория края была включена в состав империи. Победа русских войск в Казахстане была обеспечена не только эффективной военно-инженерной стратегией, гибкой тактикой, техническим, но и, безусловно, военным превосходством Российской армии, которая была в то время одной из наиболее мощных в Европе [8; 19], а также явилась следствием политической раздробленности, сложного внешнеполитического положения Казахстана и проводимой военной стратегией России в Центральной Азии.

Список литературы

1. Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. — 2-е изд. — Алматы: Қазақстан, 1998. Сб. 2. — 350 с.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1864. — Ч. 2. — 498 с.
3. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.) Т. I. Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словников указателей А.Исина. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 704 с.
4. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. — 65 с.
5. Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. — Алма-Ата, 1948. — 256 с.
6. Ерофеева И. Абулхайр: полководец, правитель и политик. Научное издание. — Алматы: Санат, 2002. — 336 с.
7. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов). — Алма-Ата, 1961. — 741 с.
8. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в.: Военно-экономический потенциал России. — М., 1973.
9. Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание в 2-х томах, Т. 1–2. — Уральск, 1891. — С. 6–7.
10. Витевский В. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1–2. — Казань, 1897. — 277 с.
11. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Издание 1-го отдела Департамента Генерального Штаба, Т. XIV, Ч. 2. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. — СПб., 1848. — С. 2–3.
12. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2332. Л. 335–349; Д. 2333. Л. 161. Об-162, 217–219.

13. Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. — Алма-Ата: Казахстан, 1982. — 279 с.
14. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XIV. Ч. 3. Земля киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской Орды Оренбургского ведомства. — СПб., 1848. — С. 133–166.
15. Словцов П. Историческое обозрение Сибири. Книга вторая — от 1742 до 1823 года. — СПб., 1844. — С. 408–409.
16. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения Западно-Сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. — Омск, 1891. — С. 23–33.
17. Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. — СПб., 1873. — С. 19–20; Венюков М.И. Материалы для военного обозрения русских границ в Азии // Военный сборник 1872. — N 10–12, 1873. N 1; Толочко В.С. Вопросы истории Казахстана // «Материалы для военного обозрения русских границ в Азии» М.И.Венюкова // История. Вып. 6. — Алма-Ата, 1973.
18. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. — СПб., 1898. — 532 с.
19. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. — Алма-Ата: Изд. АН Каз. ССР, 1960. — 442 с.
20. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. — 371 с.
21. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 2. Исторические известия. — СПб., 1832. X. — 334 с.
22. АВПР, ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1725–1729 гг. Д. 8. Л. 629 об.
23. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). — Алма-Ата: Ғылым, 1991. — 238 с.
24. Государственный архив Оренбургской области РФ. Ф. Оренбургская комиссия. Оп. 1. 1739 г. Д. 9. Л. 8 об.
25. Златкин И.Я. История джунгарского ханства 1635–1758. 2-е изд. — М.: Наука, 1983. — 332 с.

ӘОЖ 930+94 (574)=512.122

О.Х.Мұхатова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы

ТАРИХНАМАЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ӘДІСТЕРІ

В статье рассматриваются общеметодологические методы историографии. Автор показывает отдельно взятые методы исследования и раскрывает их сущность, содержание и особенности. Анализируются функции историографических методов и их значение в исследовании.

In this article is considered total methodological methods of sciences and historiography. The author shows methods of research and its significance, concept. Functions of Historiographical methods of the research are analyzed.

Методология көне грек сөзінен аударғанда «методос», «зерттеу жолдары», «таным тәсілдері», ал «логос» ілім деген мағына береді, яғни ол ғылыми зерттеу жолдары, таным тәсілдері туралы ілім болып шығады. Ғылымда методологияның «тарихи таным теориясы» деген интерпретациясы да кездеседі. Қазіргі кезеңде методологияның анықтамасын беруде ресейлік тарихшылар белсенділік танытуда. Мәселен, В.В.Журавлев: «... тарихи зерттеу методологиясы — бұл тарихи білімді дүниеге келтіру және олардың принциптерін реттеу. Методология бұл тұста ғалымның қарамағындағы малай немесе құлдық ұруды талап ететін патша емес. Яғни методологияны «не істесем де өзім білемін» деген принципті ұстанып, оны біржақты дәріптеуге немесе елеусіз қалдыруға болмайды. Нағыз тарихшы ең алдымен өмір бойы методологиялық жағынан жетіледі. Ол ғылымда жинақталған методологиялық қазынамен бірге өседі, ал соңғысы ғалымның күш-қайратының арқасында молаяды», — деп жазды [1]. Сонымен, тарих ғылымының методологиясы теориялық, дүниетанымдық ережелердің жүйесі, ол нақты шындықты танудың тәсілдері ретінде ғылыми талдау жасау талаптарынан пайда болады. Басқаша айтқанда, тарих ғылымының методологиясы — ғылыми зерттеу жұмысында танымдық принциптер, идеялар ретінде пайдаланылатын белгілі бір дүниетанымдық теориялық ережелердің жүйесі. Методология — белгілі бір мәселені зерттеудің ғылыми әдістемелері. Тарих ғылымындағы зерттеу тәсілдері мен жолдары, яғни методология, математикадағыдай дайын формула емес, ол өзін теориялық жағынан жетілдіруді және үздіксіз ізденістер арқылы қалыптастырып, дамытуды талап етеді. Методологияға сүйеніп, зерттеуші іс-тәжірибелік қызметінде әдістер кешенімен жұмыс істейді. Осыған байланысты ғылыми әдістер құрылымын былайша